

УДК 811.161.1

**ДИАЛЕКТИЗМЫ И РЕГИОНИМЫ В СИСТЕМЕ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ БЕЛОГОРЬЯ*****DIALECTICISMS AND REGIONYMS IN THE SYSTEM OF NAMES OF PLANTS OF
THE BELGOROD REGION****С.А. Кошарная
S.A. Kosharnaya***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia**E-mail: fotonija@mail.ru*

Аннотация. Лингвогеографический и лингвокультурологический анализ фитонимической лексики белгородских говоров, выявление и описание основных лексико-семантических групп фитонимов, рассмотрение системных отношений внутри данного семантического пространства, соотношение диалектных и общенародных лексем позволяет решать вопросы, связанные с отражением в языке региона элементов материальной и духовной культуры, разграничением регионимов и диалектизмов, а также задачи, значимые в контексте составления словарей народных говоров региона.

Abstract. Linguogeographical and linguo-cultural analysis of phytonyms of Belgorod dialects, the identification and description of the main lexical-semantic groups of phytonyms, the consideration of systemic relationships within a given semantic space, the ratio of national and dialectal lexemes allows us to solve issues related to reflection in the language of the region of elements of material and spiritual culture, differentiation of regionyms and dialecticisms, as well as many other tasks, ultimately meaningful in the context of preparation of thematic and common dictionary of folk dialects of the region.

Ключевые слова: лингвистическая география, лингвокультурология, фитоним, диалект, региолект, диалектизм, регионим.

Keywords: linguistic geography, cultural linguistics, linguistic culturology, phytonym, dialect, regiolect, dialecticism, regionym.

Введение

Исследование белгородских говоров по-своему решает задачу сохранения в общем словарном фонде русских говоров диалектов Центрального Черноземья. Тем более, что говоры Белогорья представляют собой менее изученный пласт в массиве русских «материнских» говоров.

Важными задачами подобного исследования являются лингвогеографический и лингвокультурологический анализ диалектной лексики, выявление и описание основных лексико-семантических групп диалектизмов, рассмотрение системных отношений внутри диалектной лексики, соотношения диалектных и общенародных лексем, что позволяет говорить о различных видах диалектной вариативности и синонимических отношениях между единицами говоров и общенародного языка; а также о явлении лексикализации – возникновении в говоре единиц с незакономерной реализацией фонетического облика или грамматических характеристик (применительно к исследованию диалектных систем лексикализация трактуется как отклонение отдельных слов, словоформ, ограниченной группы слов от системных отношений в пределах определенного уровня данного конкретного говора). На материале говоров решается вопрос о разграничении регионимов и диалектизмов, а также многие другие задачи, предусматривающие анализ диалектных лексем с точки зрения что значимо в контексте составления тематических и сводного словаря народных говоров региона.

Номинации реалий растительного мира в системе диалектной лексики Белогорья представляют особый интерес, поскольку данный регион исторически в значительной степени является

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-14-31002 (региональный конкурс) «Диалектизмы и регионимы в речи жителей Белгородчины к. XX – нач. XXI вв.».

аграрным, земледелие и растениеводство имеют здесь вековые традиции. Достаточно вспомнить о том, что именно белгородский крестьянин из деревни Алексеевки Воронежской губернии (ныне – г. Алексеевка Белгородской области) Даниил Бокарев в 1829 году впервые в истории придумал способ получения масла из семян подсолнечника, а уже через четыре года в Алексеевке была построена первая в мире маслобойня, и в 1835 году начался экспорт подсолнечного масла за границу. Кроме того, в недалеком прошлом на территории области произрастали обширнейшие дубовые леса, которые впоследствии подверглись массовой вырубке. Эта особенность региона, жизнь которого была тесно связана с лесом, также нашла отражение в лексике народных говоров. Кроме того, значительную роль в народном хозяйстве области играет овощеводство и садоводство. А потому комплексный лингвокультурологический анализ материала говоров Белгородчины позволяет не только выявить диалектные тенденции, но и по-новому осмыслить языковые факты, связанные с механизмами, обусловленными особенностями национальной культуры.

Материал исследования

Фактический материал настоящего исследования составили данные картотеки народных говоров кафедры филологии НИУ «БелГУ», собранные в течение двух десятилетий под руководством автора работы студентами филологического (ныне – историко-филологического) факультета университета и обработанные автором.

Безусловно, основу фитонимической лексики на Белгородчине составляют общенародные единицы: *василек*, *верба*, *дуб*, *дубрава*, *кукуруза* и др., однако зачастую данные общенародные единицы подвергаются в народных говорах фонетическому варьированию, что обеспечивает им «прописку» в диалектном словаре. Значительный пласт вариантов общенародных лексем может быть отнесен к диалектным образованиям в силу семантической специфики: *кочережка* – ‘суковатое дерево’ (Старооск.), *сѳсенки* – ‘хвойный лес’ (Ровеньск.) и подоб. Помимо этого, в данной лексико-семантической группе вычленяется корпус собственно диалектной лексики: *бзника* – ‘черный паслен’ (Ракитян.), *кравцы* – ‘зверобой’ (Ракитянск.), *просвирник* – ‘алтей лекарственный’ (Валуйск.), *гѳрбуз* – ‘тыква’ (Алексеев., Борисов., Вейдел., Краснен., Красногвард., Краснояруж., Новооск., Прохоров., Ракитян., Ровеньск., Шебекин.) и др.

В целом, корпус исследуемых фитонимов включает ряд частных лексико-семантических групп (ЛСГ, вычленяемых по типу номинируемого объекта), некоторые из которых, строго говоря, могут быть отнесены к собственно фитонимической лексике лишь условно – по смежности семантики, однако именно эта «смежность» позволяет нам рассматривать данные языковые единицы в составе анализируемого лексико-семантического пространства.

Основная часть

Исходя из наполнения групп, можно сделать выводы экстралингвистического характера относительно лексически разработанных, наиболее значимых фрагментов действительности, связанных с растительным миром Белгородчины.

1. ЛСГ «Части растений»

Самую многочисленную группу (39 лексем, составивших 45 наименований с учетом выявленных диалектных ЛСВ) составили лексем, номинирующие части растений: *бакиѳ* – ‘стебли огурца’ (Прохоров.); *бобы* – ‘стебли гороха’ (Грайворон., Шебекин.), *ботва* – 1. общерус. ‘ботва свеклы или картофеля’ (все районы области), 2. ‘молодая поросль огородных растений’ (Валуйск., Волокон., Чернян., Шебекин.), *ботвы ння* – ‘ботва картофеля’ (Ровеньск.), *былка* – 1. ‘стебель злаковых растений’ (Краснояруж.), 2. ‘стебель гороха или фасоли’ (Волокон.); *верши на* – ‘верхушка дерева’ (Ровеньск.), *ги лка* – ‘ветка дерева’ (Вейдел., Ровеньск.), *ги чка / гѳчка* – ‘листья, ботва свеклы’ (Шебекин., Яковлев.), *гичь* – ‘листья, ботва свеклы’ (Губкин., Прохоров.), *гѳчь* – ‘листья, ботва свеклы’ (Прохоров., Шебекин.), *гороховы ння* – ‘стебли гороха’ (Шебекин.), *гуд* – ‘стебель огурца’ (Грайворон.), *гуды на* – ‘стебель огурца’ (Грайворон.), *дубѳц* – ‘деревянный прут’ (Вейдел.), *дубови на* – ‘кора дуба’ (Ровеньск.), *дѳдка* – ‘стебель злаковых растений’ (Шебекин.), *жиди нка* – ‘тонкая зеленая ветка’ (Старооск.), *картоши ння* – ‘ботва, листва и стебли картофеля’ (Губкин.), *квасольни ння* – ‘стебли фасоли’ (Грайворон., Ровеньск.), *колю ка* – ‘хвоя’ (Валуйск.), *кѳмель* – ‘нижняя часть растения’ (Волокон.), *кѳра* – ‘кора дерева’ (Красногвард.), *кѳря га* – ‘корни вывороченного, выкорчеванного дерева’ (Ровеньск.), *кѳстры ца* – ‘жесткая часть стебля волоконистых растений (льна, конопли и т. п.), раздробляемая и отделяемая от волокна при трепании, чесании’ (Вейдел.), *кѳчѳн* – початок кукурузы (Грайворон., Ракитян.), *кукурузы ння* – ‘стебли куку-

рузы' (Грайворон.), **кытто́шки** – 'лесные орехи', **луи́тайка** – 'лист кукурузы' (Прохоров., Шебекин.), **маку́шка** – 'верхушка дерева' (Ровеньск.), **огу́дина** – 1. 'стебель огурца' (Ракитян., Ровеньск., Шебекин.) и 2. 'картофельная ботва' (Волокон.); **огу́рина** – 'стебель огурца' (Новооск.), **огу́речина** – 'стебель огурца' (Новооск.), **осы́ка** – 'ветка осины' (Вейдел.), **подсо́лнухи** – 'семена подсолнечника' (Красноярж.), **пенек** – 1. 'стебель конопли', 2. 'семенная коробочка конопли' (Валуйск., Прохоров.), **ствол** – 'стебель кукурузы' (Валуйск.), **хмы́з** – 1. 'ветка лозы' (Вейдел.), 2. 'сухие обломанные ветки деревьев' (Ровеньск.), 3. 'мелкий хворост' (Волокон., Грайворон., Красногвард., Яковлев.), **цибу́льня** – 'пучок лука, выросший из одной луковицы' (Ровеньск.).

В этой группе обнаруживается некоторое количество регионимов – слов, характерных диалектам Белгородчины в целом (с учетом вариативности и однокорневой синонимии): *гычь / гычь / гычка / гычка; гуд / гудыня / огу́дина*, однако по большей части данная группа представлена диалектизмами.

2. ЛСГ «Луговые и лесные травянистые растения»

Вторую по численности группу (31 лексема, без учета ЛСВ) составили названия луговых трав. В данную группу по преимуществу вошла диалектная лексика: **барáнчики** – 'примула' (Ракитян.), **березка** – 'вьюнок полевой' (Ракитян.), **белоголо́вник** – 1. 'тмин' (Краснен.), 2. 'нивяник' (Ракитян.), 3. 'таволга' (Чернян.); **бзни́ка** – 'черный паслен' (Ракитян.), **будя́к** – колючая трава (Борисов., Ровеньск.), **бу́рья** – собирает. 'сорная трава, сорняки' (по всей области), **васы́лек** – 'василек' (Красногвард.), **га́рзак** – 'водяной перец' (Ракитян.), **глухо́й ла́ндыш** – 'купена' (Ракитян.), **дере́й** – 'тысячелистник' (Ракитян.), **души́ца** – 'чебрец' (Ракитян.), 'душистая трава' (Красногвард, Ровеньск. и др.), **елочка** – 'хвощ полевой' (Ракитян.), **желтоголо́вник** – 'марьяник полевой' (Ракитян.), **желту́шник** – 'золототысячник' (Ракитян.), **зво́ник** – 'колокольчик' (Ракитян.), **костры́ка** – 'крапива' (Алексеев., Красногвард.), **ка́шка** – 'клевер луговой' (Алексеев., Валуйск. и др. – по всей области), **кипре́й** – 'иван-чай' (Ракитян.), **колду́н-трава́** – 'дикий репейник' (Ракитян.), **колю́чка** – собирает. 'колкая, колючая трава' (Красногвард.), **кравцы́** – 'зверобой' (Ракитян.), **кратива́** – 'крапива' (Борисов.), **купáвка** – 'водяной лопушник' (Ракитян.), **кучеря́вка** – 'перекати-поле' (Ракитян.), **лучи́шник** – 'коровяк' (Ракитян.), **очере́т** – 'камыш, протесник' (Ровеньск., Красногвард.), **просви́рник** – 'алтей лекарственный' (Валуйск.), **ра́стик** – 'пролеска' (Алексеев.), **ре́тья́х** – 'репейник' (Борисов., Красногвард., Ровеньск.), **ряпе́йник** – 'репейник' (Ивнян.), **черы́да** – 'череда, род злаковых трав' (Красноярж.).

К регионимам здесь можно отнести лексемы *бу́рьян*, *ка́шка*, которые встречаются в области повсеместно. Возможно, по мере пополнения фактической базы список регионимов, входящих в данную группу, увеличится.

3. ЛСГ «Фруктово-ягодные культуры, садовые деревья и их плоды»

Данную группу составили 30 единиц (без учета фонетических вариантов): **брусни́на** – 'брусника' (Ровеньск.), **ви́шник** (Алексеев., Новооск., Прохоров., Чернян.) / **вы́шник** – 'вишня' (Волокон.), **вы́шня** – 'вишня' (Ровеньск.), **гло́д** – 'боярышник' (Ракитян.), **игру́ша** – 'груша' (Новооск., Ракитян.), **де́рник** (Волокон.) / **дя́рни́к** (Ивнян.) – 'терн', **ду́ля** – 'груша' (Прохоров.), **ди́чка** (по всей области) / **ды́чка** – 'дикая яблоня' (Красногвард.), **жерде́ли** (по всей области) / **жерде́лы** (Белгор., Прохоров.) – 'мелкий сорт абрикосов', **журавли́ная го́да** – 'клюква' (Ракитян.), **за́ячья капу́ста** – 'кислица обыкновенная' (Ракитян.), **зеле́нец** – собирает. 'зеленые ягоды' (Краснен., Ровеньск.), **кисли́ца** (Красногвард., Ровеньск.) / **ки́слица** (Ивнян.) – 'дикая яблоня'; **кряжовник** / **кряжовны́к** – 'крыжовник' (Чернян., Ракитян.), **ма́лына** – 'малина' (Ракитян.), **обле́пиха** – 'красная смородина' (Ракитян.), **ожи́на** – 'ежевика' (Красногвард.), **па́далица** – 'упавшее яблоко' (Ивнян.), **па́данка** – 'упавшее яблоко' (по всей области), **паза́бник** – 'земляника' (Ивнян.), **паре́чка** – 'красная смородина' (Грайворон.), **рябы́на** – 'рябина' (Ракитян.), **самаро́дина** – 'смородина' (Чернян., Новооск.), **сирба́рина** – 'шиповник' (Чернян.), **тере́н** (по всей области) / **тере́н** (Ровеньск.) – 'терн', **шелко́вица** (по всей области) / **шалко́вица** (Новооск.) / **щелко́вица** (Новооск.) – 'тутовое дерево', **шелко́вка** / **щелко́вка** (Старооск., Новооск.) – 'тутовое дерево', **шипши́на** – 'шиповник' (Новооск., Чернян.), **я́года** – 'земляника' (Новооск.).

К регионимам могут быть отнесены лексемы *дичка*, *жердели*, *паданка*, *тере́н*, *шелковица*, функционирующие на всей территории области.

4. ЛСГ «Овощные и бахчевые огородные культуры»

В настоящую группу включены номинации овощных и бахчевых огородных культур, произрастающих в области (29 лексем, без учета фонетических вариантов): **баклажан** – помидор (Ракитян., Старооск., Шебекин.), **баклажка** – ‘помидор’ (Алексеев.), **бульба** – ‘картофель’ (Шебекин.), **бурак** – ‘свекла’ (все районы области), **буряк** – ‘свекла’ (Борисов., Валуйск., Грайворон., Краснояруж., Прохоров.), **гарбуз** / **гарбюз** – ‘тыква’ (Алексеев., Борисов., Вейдел., Волокон., Краснен., Красногвард., Краснояруж., Старооск., Новооск., Прохоров., Ракитян., Чернян., Шебекин.), **гурец** – ‘огурец’ (Новооск., Ракитян.), **кабак** – ‘кабачок’ (все районы области), **кавун** (Алексеев., Грайворон., Красногвард., Краснояруж., Новооск., Ракитян., Шебекин.) / **каун** (Борисов., Краснен., Красногвард.) – ‘арбуз’; **картофка** – ‘картофель’ (Борисов., Красногвард., Ровеньск., Старооск., Шебекин.), **картохи** / **картохы** (pl.) – ‘картофель’ (Алексеев., Краснояруж., Новооск., Ракитян.), **картошки** (pl.) – ‘картофель’ (Прохоров.) **квасоля** (Борисов., Ивнян., Краснояруж., Ракитян., Чернян., Шебекин.) / **квасуля** (Алексеев., Валуйск., Волокон., Ивнян., Краснояруж., Новооск., Шебекин.) / **квасюля** (Краснен., Ивнян.) / **квасоль** (Ракитян.) – ‘фасоль’; **морква** (Краснен., Краснояруж., Новооск., Ракитян.) / **моркв́а** (Валуйск.) – ‘морковь’; **огурок** (Ракитян., Шебекин.) / **огурок** (Борисов.) – ‘огурец’; **перец** – ‘перец’ (Ракитян.), **редиска** (Ракитян.) / **рядиска** (Краснояруж.) – ‘редис’, **сажаника** – ‘семена свеклы’ (Валуйск.), **свекла** – ‘свекла’ (Краснен.), **стручи** (pl.) – ‘горох’ (Шебекин.), **цибуль** (муж.р.) (Ровеньск.) / **цибуля** (Алексеев., Борисов., Валуйск., Вейдел., Грайворон., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Ровеньск., Старооск.) – ‘лук’; **часнык** – ‘чеснок’ (Борисов., Ракитян.).

Здесь обнаруживает значительное количество регионимов, что свидетельствует о значимости земледелия и овощеводства, в частности, в жизни жителей области в целом, при этом нередко имеет место вариативность: *бурак / буряк, гарбуз / гарбюз, кабак, кавун / каун, квасоля / квасуля, морква / моркв́а, цибуль / цибуля*; ряд лексем являются украинизмами, например: *цибуль / цибуля*.

5. ЛСГ «Лес и его атрибуты»

27 лексем (без учета ЛСВ) составили названия, характеризующие лес и его атрибуты: **березки** (Pl.) – ‘лес, роща с преобладанием берез’ (Ровеньск.), **бор** – ‘обширный лесной массив’ (Красногвард.), **бурелом** – ‘поваленный бурей лес’ (Красногвард.), **гарево** – ‘лес, выгоревший на пожарище; выгоревшее или выжженное место в лесу’ (Красногвард.), **гарь** – ‘лес, выгоревший на пожарище’ (Красногвард.), **грибник** – ‘грибное место’ (Красногвард.), **дэбри** (Pl.) – ‘чаща, дремучий лес’ (Красногвард.), **дэбрия** (жен.р.) – ‘чаща, дремучий лес’ (Ровеньск.), **делянка** – ‘участок вырубленного леса’ (Ивнян.), **дровяник** – ‘большой, но низкий, кривой, нестройный лес’ (Красногвард.), **дубрава** – 1. ‘лес’, 2. ‘дубовый лес’ (Ровеньск., Красногвард.), **еловник** – ‘хвойный лес’ (Красногвард.), **еловник** – ‘еловый лес’ (Красногвард.), **жарина** – ‘маленький лесок’ (Ивнян.), **засака** – ‘просека в лесу’ (Красногвард., Ровеньск.), **лес** – 1. общерус. ‘лес’ (по всей области), 2. ‘возвышенность, покрытая лесом’ (Краснояруж., Ровеньск., Яковлев.), **караич** / **караичник** – ‘вязовый криворослый лес’ (Алексеев., Шебекин.), **колос** – ‘отдельная рощица, лесок’ (Чернян.), **лецина** – ‘орешник, ореховые заросли’ (Вейдел., Красногвард., Прохоров.), **лиман** – ‘лес, растущий на болоте’ (Ровеньск.), **молодняк** – ‘молодая поросль деревьев преимущественно одной породы’ (Красногвард.), **окушка** – ‘лес, растущий на возвышенности’ (Красногвард.), **остров** – ‘небольшая лесная роща в степи, по берегам рек’ (слово достаточно широко распространено по границе с Украиной) **пеньки** (Pl.) – ‘вырубленный лес’ (Красногвард.), **сосенки** (Pl.) – ‘хвойный лес’ (Ровеньск.), **стэнки** – ‘лес на склоне’ (Ровеньск.), **сухостойник** – ‘мертвый лес с засохшими на корню деревьями’ (Красногвард.).

В данной лексической группе, как видим, отражены природные свойства леса (сухой, поваленный бурей лес, дремучий лес, лес, растущий на болоте и т. д.) и взаимодействие человека с лесом как хозяйственным объектом (*засака, делянка*), представительность данной лексико-семантической группы свидетельствует о значительной роли леса в народном хозяйстве региона.

6. ЛСГ «Дерево»

ЛСГ «Дерево» включает следующие лексемы (22 единицы, без учета вариантов): **бук** – ‘дерево’ (Губкин., Яковлев.), **буреломник** – ‘сломанное бурей дерево’ (Красногвард.), **валёжина** – ‘сухое упавшее дерево’ (Красногвард.), **верба** (Ровеньск., Старооск., Чернян.) / **вырба** (Краснояруж.) – ‘верба’; **вильха** – ‘ольха’ (Ровеньск.), **гнили на** – ‘гнилое дерево’ (Ровеньск.), **дереви на** – 1. ‘большое дерево’ (Красногвард.), 2. ‘дерево’ (Ровеньск.); **дэревице** – ‘маленькое дерево’ (Красно-

гвард.), **дры́ ветень** (муж.р.) (Валуйск.) / **дры́ ветня** (жен.р.) (Волокон.) – 1. пень; 2. полено, на котором колют дрова; **дэрво** (Новооск.) / **дэрыво** (Ракитян.) – ‘дерево’; **ду́плева́тое дэрево** – ‘дерево с дуплом’ (Красногвард.), **елка** – 1. ‘ель’ (по всей области), 2. ‘сосна’ (Ровеньск.); **корчевник** – ‘дерево, вырванное с корнем’ (Красногвард.), **кочережка** – ‘суковатое дерево’ (Старооск.), **ку́щи (Pl.)** – ‘кусты, кустарник’ (Валуйск.), **молодня́к** – ‘молодое деревце’ (Ровеньск.), **осы́ на** – ‘осина’ (Ровенск., Шебекин.), **ряки́ та** – ‘ракита’ (Прохоров.), **сбсенка** – ‘молодое хвойное дерево’ (Ровеньск.), **сухостой** – ‘сухое дерево’ (Красногвард.), **суши́ня́к** – ‘сухое дерево’ (Ровеньск.), **тал** – ‘кустарниковая ива, тальник’ (Красногвард.), **ялы́ на** – ‘хвойное дерево’ (Вейдел.), ‘сосна’ (Чернян.).

Примечательно, что хвойное дерево на территории области ассоциировано прежде всего с сосной (ср.: *ялына*, *ель* в значении ‘сосна’ и *сбсенка* в значении ‘хвойное дерево вообще’), чему имеется экстралингвистическое объяснение и что можно считать проявлением региолекта.

7. ЛСГ «Зерновые культуры»

6 лексем (без учета вариативности) вошли в группу наименований зерновых культур: **гре́чи ца** – ‘гречиха’ (Краснен.), **gréчка** – ‘гречиха’ (по всей области), **грячи́ ха** (Старооск.) / **гря́ци ха** (Прохоров., Ивнян.) – ‘гречиха’; **ку́рзу́за** – ‘кукуруза’ (Шебекин.), **пашени́ ца** / **паша́ни ца** (Валуйск., Ивнян.) / **пшани́ ца** (Ивнян.) / **пшани́ са** (Прохоров.) – ‘пшеница’; **со́яшник** / **со́яшнык** – ‘подсолнечник’ (Красногвард., Борисов., Чернян., Шебекин.).

Как видим, здесь по большей части материал представлен диалектными вариантами общерусских лексем, за исключением украинизма *соляшник*.

В целом в группе растительных номинаций обнаруживаются следующие закономерности. Реалии растительного мира обозначаются чаще всего отдельными лексемами (**бу́ди ля́** – ‘стебель кукурузы’ (Чернян.), **кисли́ ца** – ‘дикая яблоня’ (Ивнян., Красногвард., Ровеньск., Чернян.), **костры́ ка** – ‘крапива’ (Алексеев., Красногвард.) и др.), реже – словосочетаниями (**глухой ландыш** – растение купена (Ракитян.); **журавлиная ягода** – ‘клюква’ (Ракитян.) и др.) и единицами, образованными посредством словосложения (**колдун-трава** – растение цирцея (Ракитян.) и др.).

Мотивационным основанием диалектного фитонима чаще всего оказывается внешний отличительный признак растительного объекта, например: **жиди́нка** – ‘тонкая зеленая ветка’ (Старооск.) – от *жидкий* в значении 3. Редкий, не часто расположенный, ср. *жидкий лес*, *жидкие волосы*; **лучи́нник** – ‘коровяк’ (Ракитян.) – назван по сходству с *лучиной* (‘тонкая длинная щепка от сухого полена’); **кучеря́вка** – ‘перекати-поле’ (Ракитян.) – от обл. *кучерявый* – ‘кудрявый’ (о волосах).

При этом можно утверждать, что значительную роль в процессе создания номинации растительных реалий играет образность: растительные наименования нередко базируются на метафорическом переносе. И здесь в полной мере подтверждаются известные положения, согласно которым «метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление», а «наша обыденная понятийная система <...> по сути своей метафорична» [1, с. 126]. В качестве иллюстрации можно привести такие фитонимы, как общерусские **колокольчик**, простореч. **кашка** – ‘белый клевер’ и диалектные: **агру́ з** – ‘кряжовник’ (Чернян.), **баранчики** – ‘примула’ (Ракитян.), **березка** – ‘полевой вьюнок’ (Ракитян.), **ду́ля** – ‘груша’ (Прохоров.), **кочережка** – ‘суковатое дерево’ (Старооск.) и др.

Среди диалектных образований, возникших в результате метафоризации, вычлениются собственно диалектные номинации (**звонник** – ‘колокольчик’ (Ракитян.), **лучи́нник** – ‘коровяк’ (Ракитян.), **ожи́ на** – ежевика (Красногвард., Ровеньск.), **просви́рник** – ‘алтей’ (Валуйск.) и т. д.) и образования, которые тождественны по форме общенародным единицам: **баклажа́н** – ‘помидор’ (Ракитян., Старооск., Чернян.), **березка** – ‘полевой вьюнок’ (Ракитян.), **елочка** – ‘хвощ’ (Ракитян.); **кочережка** – ‘суковатое дерево’ (Старооск.), **молодня́к** – ‘молодое деревце’ (Ровеньск.) и т. д. Как видим, и первые, и вторые созданы по регулярным, продуктивным словообразовательным моделям на основе метафорического переноса по сходству внешних признаков реалий. Исключения немногочисленны. Так, например, слово **костры́ ка** – ‘крапива’ (Алексеев., Красногвард., ср.: /*Абажглас кастры́ кај д’у́жа*/ с. Арнаутово, Красногвард. р-н, 1996), возможно, образовано от *костра* – ‘жесткая часть стебля волокнистых растений (льна, конопли и т. п.), раздробляемая и отделяемая от волокна при трепании, чесании’. В таком случае здесь вычленяется непродуктивный суффикс *-ык-*, а само слово может быть отнесено к фактам лексикализации.

Крайне незначительную группу в ряду диалектных фитонимов составляют наименования по функции, например, **сажани́ ка** – семена свеклы (Валуйск.). По-видимому, сюда же следует отнести диалектизм **остры́ ка** – ‘жгучая трава, крапива’, который лишь на первый взгляд сближается с фитонимом *кострыка*, но этимологически соотносится с глаголом *стрыкать* (*стрыкать*) – ‘колоть, обжигать (чем-л. колющим, жгущим)’ и получает свое наименование именно по этому функциональному

признаку, о чем свидетельствуют записи диалектной речи, в которых отчетливо репрезентируются семные составляющие его лексического значения: /Астры́кала но́уи астры́ кај/ (Чернян.).

Несмотря на относительную немногочисленность собственно диалектных образований, не имеющих эквивалентов (вариантов) в общенародном языке, таковые наименования имеют место в говорах Белгородчины, более того, они могут развивать внутридиалектную полисемию: **огудина** – ‘стебли огурца’ (Ракитян., Ровеньск., Шебекин.) и ‘картофельная ботва’ (Волокон.).

История возникновения и развития белгородских говоров неизменно детерминирует наше обращение к понятию *констрата* «как особого вида взаимодействия народов (племен) при дружественном мирном обитании на общих землях» [2, с. 69]. Особое географическое, а как следствие – лингвокультурное, положение Белгородской области (близость границы с Украиной, смешанный состав населения) обусловило наличие констратных наименований в говорах региона, проникновение большого количества украинизмов в лексику белгородских диалектов.

Мы уже отмечали присутствие в ряду белгородских фитонимов заимствований из украинского [3], приведем примеры, пополняя базу лексем и географических помет новыми данными: **будя к** (Борисов., Ровеньск., Старооск., Чернян.), ср. в укр. *будяк* – ‘колючая трава’; **бульба** (Шебекин.), при белорус. и укр. *бульба* – ‘картофель’; **буря к** и **бурáк** (Валуйск., Волокон., Грайворон., Губкин., Краснен., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Старооск., Чернян., Шебекин., Яковлев.), ср. укр. *бурак* – ‘свекла’; **верба́** (Красноярж., Старооск., Чернян.), в укр. *верба́* – ‘верба’; **вильха́** (Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *вильха* – ‘ольха’; **глод** (Ракитян.), при укр. *глод* – ‘боярышник’; **деревей** (Ракитян.), ср. в укр. *деревий* – ‘тысячелистник’; **дуля** (Прохоров.), ср. укр. *дуля* – ‘груша’; **ожи на** (Красногвард., Ровеньск., Старооск.), в укр. *ожина* – ‘ежевика’; **очирёт** (Красногвард., Ровеньск., Чернян.), при укр. *очирэт* – ‘камыш, тростник’; **пачары ца** (Чернян.), ср. укр. *печериця* в том же значении ‘гриб шампиньон’; **репья х** (Борисов., Красногвард., Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *реп’ях* в том же значении ‘репейник’; **со няшник** – ‘подсолнечник’ (Чернян.), ср. укр. *соняшник* в том же значении; **шпши́ на / шати́ на** (Новооск., Чернян.), ср. в укр. *шпшина* – ‘шиповник’; **цибу́ля** (Алексеев., Борисов., Валуйск., Вейдел., Грайворон., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Ровеньск., Чернян.), ср. укр. *цибуля* – ‘лук’.

По справедливому мнению исследователей, вследствие того, что диалектные единицы зачастую функционируют в микросистемах, не связанных непосредственной «речевой практикой» [4, с. 97], в структуре конкретных ЛСГ имеют место факты лексического параллелизма. Однако, как показывает наш материал, подобный параллелизм наблюдается и внутри диалектных микросистем (в пределах одного говора или в непосредственно соседствующих и взаимодействующих диалектах, то есть в системах, связанных непосредственной речевой практикой), что обуславливает развитие в говорах лексической вариативности (и/или синонимии). Лексические параллели чаще всего представляют собой однокорневые образования, различающиеся в элементах словообразовательной структуры или проявляющие различия в области грамматики, например: **ботва** – ‘листва и стебли картофеля’ (Шебекин.) – **ботвы́ня** (Ровеньск.); **вишня** – ‘вишня’ (Ровеньск., Чернян.) – **вышник** (Волокон., Чернян., Старооск.); **гречка** – растение гречиха (Волокон., Ракитян.) – **гречи́ца** (Краснен.) – **грячиха** (Старооск.); **репьях** – ‘репейник’ (Борисов., Красногвард., Ровеньск., Чернян.) – **ряпейник** (Белгор., Ивнян., Шебекин.); **сви́нух** – **свы́нух** – **сви́ношка** – ‘гриб сви́нушка’ (в пределах одного и того же Чернянского района), **со́нях** – **со́няшник** – ‘подсолнечник’ (например, Чернян.).

Еще более характерны говорам Белгородчины фонетические варианты, что проявляется и в анализируемой лексико-семантической группе: **гы́чь** (Белгор., Прохоров., Шебекин., Яковлев.) – **зы́чь** (Прохоров., Шебекин.) (‘ботва свеклы’); **бурáк** (Борисов., Губкин., Вейдел., Волокон., Грайворон., Краснен., Красногвард., Прохоров., Чернян., Шебекин.) – **буря́ к** (Борисов., Валуйск., Грайворон., Красноярж., Прохоров., Старооск., Чернян.) (‘свекла’); **кавю́н** (Алексеев., Грайворон., Красногвард., Красноярж., Новооск., Чернян., Шебекин.) – **каю́н** (Борисов., Краснен., Красногвард., Красноярж., Ракитян.) (‘арбуз’); **квасю́ля** (Алексеев., Валуйск., Волокон., Ивнян., Красноярж., Новооск., Шебекин.) – **квасю́ ля** (Краснен., Ивнян.) – **квасо́ля** (Борисов., Ивнян., Красноярж., Ракитян., Чернян., Шебекин.) (‘фасоль’); **огиро́к** (Ракитян., Шебекин.) – **огыро́к** (Борисов.) (‘огурец’); **твятóк** (Губкин., Ивнян., Красногвард.) – **квитóк** (Борисов., Вейдел.) (‘цветок’); **пашени ца / пашани ца** (Валуйск., Старооск., Чернян.) – **пшани ца** (Ивнян.) – **пшани са** (Ивнян., Прохоров.) (‘пшеница’); **ви́шник** (Алексеев., Новооск., Прохоров., Старооск., Чернян.) – **вы́шник** (Волокон., Старооск.) (‘вишня’); **кряжóвник** (Чернян.) – **кряжóвнык** (Ракитян.) (‘крыжовник’); **шалкóвка** (Новооск.) – **целкóвка** (Новооск.) (‘шелковица’); **ряди́ ска** (Красноярж.) – **рэди́ ска** (Ракитян.) (‘редис’); кроме того, отмечаются акцентные варианты: **мо́рква** (Краснен., Ракитян., Чернян.) – **морквá** (Валуйск.) (‘морковь’); **вэ́рба** (Ровеньск.) – **верба́** (Красноярж., Чернян. и др., по всему пограничью с Украиной) (‘верба’); **кисли ца** (Ровеньск., Чернян.) – **ки слица** (Ивнян.) (‘дикая яблоня; плоды такой яблони’). Очевидно, что такая обширная фонетическая вариативность в говорах Белогорья обусловлена в том числе мощным влиянием говоров украинского языка.

Широко представлен в составе ЛСГ «Фитонимы» собственно лексический параллелизм – наличие синонимов-дублетов: **со́сенки** (Ровеньск.) – **елóвник** (Красногвард.) (‘хвойный лес’); **ро́ща** (Красногвард. и др.) – **жа́рина** (Ивнян.) (‘небольшой лесок’); **дереви на** (Ровеньск.) –

бук (Губкин., Яковлев.) ('дерево' как гипероним); **огуречина** (Новооск.) – **баки́я** (Прохоров.) ('стебли огурца'); **бы́лка** (Волокон.) – **квасо́льница** (Грайворон., Ровеньск.) ('стебли фасоли'); **терын** (Ровеньск.) – **терник** (Волокон.) ('терн'); **ягода** (Новооск.) – **паза́бник** (Ивнян.) ('земляника'); **кастры ка** (Красногвард., Алексеев.) – **остры ка** (Чернян.) (именно от данного слова, а не от прилагательного *острый*, по-видимому, происходит фамилия *Острыкин*) – **кратива́** (Борисов.) ('крапива'); **сбсенка** (Ровеньск.) и **ялы на** (Вейдел.) ('хвойное дерево') и др.

В силу того, что данные ряды образований объединены семантической общностью, они могут быть квалифицированы как лексико-семантические парадигмы. Так, в ряду лексем **ботва** – **ботвы́ня** – **картощи́ня** все члены параллели имеют значение 'листья и стебли картофеля', при этом в первой паре единицы различаются структурно (наличие/отсутствие суффикса *-ыня*), пара **ботвы́ня** – **картощи́ня** включает разнокорневые слова, имеющие при этом единую словообразовательную структуру, параллель **ботва** – **картощи́ня** включает лексемы, различающиеся как структурно, так и собственно лексически. Как видим, лексико-семантический параллелизм может быть как бинарным, так и многочленным, дифференцирующим эквивалентные именованные на основании фонетических, структурных, морфологических различий, исходя из чего можно говорить о разноуровневой дифференциации компонентов лексико-семантической парадигмы.

В ходе анализа диалектного материала встает вопрос о дифференциации регионимов и собственно диалектных лексем. И здесь ведущим оказывается ареальный принцип, позволяющий, помимо прочего, решать вопрос о так называемой диалектной норме. Так, ряд диалектных фитонимов функционирует во всех или в большинстве районов области, например: **бура́к/буряк** – 'свекла' (Алексеев., Белгород., Валуйск., Волокон., Грайворон., Губкин., Краснен., Красногвард., Новооск., Прохоров., Ракитян., Старооск., Чернян., Старооск., Шебекин., Яковлев.); **за́рбуз** – 'тыква' (Алексеев., Белгород., Борисов., Валуйск., Вейдел., Волокон., Грайворон., Губкин., Краснен., Красногвард., Краснояруж., Новооск., Прохоров., Ракитян., Старооск., Чернян., Шебекин.); **каву́н/кау́н** – 'арбуз' (Алексеев., Грайворон., Красногвард., Краснояруж., Новооск., Старооск., Чернян., Шебекин.); **цибу́ля** – 'лук' (Алексеев., Белгород., Борисов., Валуйск., Вейделев., Грайворон., Красногвард., Ракитян., Ровеньск., Новооск., Чернян.). Данные и подобные им языковые единицы могут быть отнесены к регионимам – элементам региолекта, в отличие от диалектизмов, локально более ограниченных в своем функционировании. Частным проявлением и, следовательно, еще одним возможным доказательством статуса регионима для того или иного местного слова является его способность к генерированию онимов: фамильных антропонимов, топонимов. Например, фитоним **за́рбуз** является основой для фамильных антропонимов *Гарбуз*, *Гарбузов*, бытующих на территории области. На территории области существует село *Гарбузово* (Алексеев.) Равным образом, вариативные фитонимы **каву́н** и **кау́н** становятся базой для фамилий: *Кавун*, *Кавун*.

По наблюдениям И.И. Жиленковой [5, с. 105], от диалектных (региональных – С.К.) апеллятивных лексем образованы местные ойконимы *х. Караешный* (Алексеев.), *с. Караичное* (Шебекин.), в основе которых лежат, соответственно, основы производящих существительных **караешник** (**караичник**) и **караич** – 'вязовый криворослый лес'; название хутора *Колок* (Чернян.) восходит к апеллятиву **колок** – 'отдельная рощица, лесок'. От региональной лексемы **остров** – 'небольшая лесная роща в степи, по берегам рек' образованы топонимы *Зеленый Остров* (поселок в Ракитянском районе) и *Красный Остров* (Чернян.); территориально ограниченная лексема **стенки** – 'лес на склоне' лежит в основе названия хутора *Стенки* (Ровеньск.). Подобные факты, наряду с ареальным критерием, являются для нас квалификационным признаком регионима. Отметим, что в ряду широко распространенных лексем (элементов региолекта) – значительное число украинизмов.

В тоже время ареал распространения части лексем ограничивается пределами отдельного говора или группы говоров одного района, например: **лучинник** (Ракитян.) – 'коровяк'; **ра́стик** (д. Глуховка, Алексеев.) – 'пролеска' (род многолетних трав семейства лилейных); **ялы́на** (Вейделев.) – 'ель, хвойное дерево'. Однако как «саму по себе однократность фиксации лексемы вряд ли правильно считать единственным и абсолютным критерием неузуальности», поскольку «не все однократно зафиксированные единицы суть окказионализмы» [6, с. 105-106], так и ограниченность ареала распространения лексемы зачастую объясняется пробелами в области фиксации и картографирования. Особенно сомнительно видеть в подобных фактах случайное словоупотребление, когда такие единицы или их эквиваленты (варианты, однокоренные синонимы) отмечены словарями. В частности, зафиксированный только в Ивнянском районе фитоним **паза́бник** – 'земляника' – представлен в словаре В.И. Даля и фонетическим, и грамматическим вариантами: *паза́бник* и *пазабни ка* [7, с.8], там же обнаруживается зафиксированный нами только в Грайворонском районе диалектизм **порéчка** – 'красная смородина': *порв́чка* (юж. *поричка*) [7, с. 327]. Алексеевский фитоним **ра́стик** – 'пролеска' – представлен в словаре В.И. Даля фонетическим вариантом *ростик* [8, с. 77].

Различия в семантике фитонимов-диалектизмов и общенародных лексем, совпадающих с ними в написании и произношении, позволяют выдвинуть предположение о путях развития семем и с той или иной степенью приближения реконструировать семантический архетип.

Так, в Ровеньском, Чернянском и ряде других районов Белгородской области лексема **дубрава/диброва** имеет более широкое, по сравнению с общенародным эквивалентом, значение 'лес

вообще, широколиственный лес', что, вероятно, не только обусловлено влиянием украинского языка, но отражает славянскую языковую традицию в целом, ср.: укр. *діброва* – 'лиственная роща', болг. *дъброва* – 'молодой лес', рус. диал. (колым.) *дубрава* – 'лиственная поросль', др.-рус. (с XI в.) *дубрава* – 'деревья', *дуброва* – 'лес', 'роща', без указания на породу деревьев. Как полагал П.Я. Черных [9, с. 272-273], лексема *дубрава* восходит не к слову *дуб* (о.-слав. **dǫbъ*), а к **dǫbrъ* – 'дерево'. Однако, на наш взгляд, слова **dǫbъ* и **dǫbrъ* являются исторически однокоренными и соотносятся как гипоним и гипероним. Помимо семантической близости, можно усмотреть в **dǫbrъ* тот же праязыковой корень и известный суффиксальный элемент **-r-* (ср. подоб.: **mīrъ < *mei - r - os*). Возможно, в праязыке значение корня было еще более общим – 'растение вообще', о чем свидетельствуют современные диалектные и фольклорные употребления *дубрава*, *дубровушка* – 'трава', однако для такой этимологизации нужны более веские основания (наличие типологических соответствий, обширный ареал распространения семем).

Тем не менее, по всей видимости, *дуб* первоначально – 'дерево вообще' (ср.: греч. полисемант *δρυς* – 'дерево' и 'дуб'). Такое значение было известно еще древнерусскому языку и его отголоски спорядически фиксируются в современных говорах, ср.: псков., смол. *дубничок* – 'молодой лес', в том числе – в белгородских, ср.: *дубье* – собирательное существительное со значением 'деревья вообще'. Несмотря на отсутствие в говорах Белогорья производящей лексемы *дуб* в значении 'дерево вообще' (такое словоупотребление не фиксируется), можно полагать, что ранее она имела место, в пользу чего свидетельствует и диалектизм *дубѣц* (Вейдел.) – 'деревянный прутик'.

Процесс сужения исходной семантики слова можно наблюдать и на примере лексемы *душица*. Данный фитоним известен общенародному языку в качестве названия лекарственного растения семейства сложноцветных (гипоним), в Ракитянском и Старооскольском районах Белгородской области данное слово также служит названием растения «чебрец»; в то же время в Красногвардейском и Ровеньском районах номинанта *душица* имеет более широкое значение 'душистая трава', 'сильно пахнущие, ароматные растения вообще' – последнее значение зафиксировано в словаре В.И. Даля [10, с. 505]. Полагаем, что значение 'душистое растение вообще' является древнейшим, мотивированным старшей семантикой слова *дух* – 'запах, аромат' (в словарях современного русского литературного языка данное значение дается с пометой «просторечное»).

Таким образом, помимо прочего, диалекты Белогорья предстают как носители языковой архаики, что, безусловно, требует специального изучения. Кроме того, мы можем наблюдать здесь процесс и результат развития полисеманта на одном временном срезе.

Представляют интерес семантические расхождения фитонимов с исходным значением собирательности: *молодняк*, *сушняк*. В системе белгородских говоров в целом данные образования полисемантичны. Так, в Красногвардейском районе слово *молодняк* фиксируется в собирательном значении 'молодая поросль деревьев, преимущественно одной породы' (ср.: *ивняк*, *березняк*), в то же время в Ровеньском районе отмечен семантический вариант *молодняк* – 'молодое деревце'. По-видимому, последний ЛСВ является более поздним, утратившим сему собирательности. Аналогично для лексемы *сушняк* выявлены два фитонимических значения: 1. 'сухое дерево' (Ровеньск.) и 2. собир. 'сухие деревья' (Алексеев. Белгор., Старооск., Чернян. и др.). По-видимому, в данных случаях можно говорить о ресемантизации словообразовательного форманта (суффикса *-няк*) в системе говора от собирательности – к единичности.

Выводы

Как показал анализ материала, вычленение регионимов из общего массива диалектной лексики является весьма целесообразным, поскольку позволяет не только отграничить свод лексики, выходящей за границы диалектов и при этом территориально маркированной, но свидетельствует о наличии более крупной формы существования национального языка, нежели говор, и в то же время более конкретной, нежели группа говоров. В частности, известно, что белгородские диалекты входят большей частью в курско-орловскую группу говоров, но в то же время они проявляют изрядную специфику, исходя из чего мы оперируем понятием «региолект», и такой подход обнаруживает тенденции, характерные диалектам Белгородчины в целом, намечая общее русло их развития в их региональной противопоставленности прочим территориально-языковым объединениям.

В частности, одной из региональных тенденций является лексикализация форм множественного числа, например: *сосенки*, *березки*, которые в ряде говоров Белгородской области близки по значению собирательным номинантам: *сосенки* – 'хвойный лес', *березки* – 'лес с преобладанием берез'. Вероятно, возможно говорить о наличии региональной тенденции к развитию формами множественного числа значения собирательности и лексикализации таких форм (*сосенки*, *березки*, ср. также в названии хуторов – х. *Дубки* (Красногвард.), х. *Березки* (Алексеев.)).

Наличие суффикса субъективной оценки отражает в данном случае положительное отношение носителей языка к данным разновидностям деревьев, издревле тесно связанным с обрядовой практикой.

К регионально отмеченным явлениям мы относим характерную особенность местных говоров, проявляющуюся в том, что общерусские лексемы в пределах отдельных диалектов области нередко подвергаются семантической трансформации, порождая семантические диалектизмы. Так, наряду с формой *сосенки*, в белгородских говорах отмечен семантический диалектизм *сосенка* в значении 'молодое хвойное дерево', из чего следует, что *сосна* для носителей говора ассоциировалась с хвойным деревом вообще, чему имеется экстралингвистическое обоснование: на юге России хвойные леса по преимуществу были сосновыми (на территории области сохранились реликтовые сосновые леса). Заметим, что в исторически близком славянским языкам литовском языке *сосна* обозначается словом *derva* (ср. праслав. **dervo(n)* – 'дерево'), то есть данное слово предстает в качестве гиперонима. В ряде говоров Яковлевского и Краснояружского районов слово *лес* ('пространство, заполненное деревьями') сузило свое значение до 'возвышенность, покрытая деревьями'. Возможно, данное изменение значения детерминировано экстралингвистическими факторами: ландшафт Белгородчины характеризуется значительным количеством возвышенностей, соответственно, лесные массивы здесь чаще всего произрастали на их склонах. Возможно, отсюда и восприятие леса как естественной границы (ср. белгородский диалектный микротопоним *лес Стенки*). Подобные факты, на наш взгляд, как и другие характерные языку региона в целом явления могут быть отнесены к региолектным.

Таким образом, на материале диалектной фитонимической лексики могут быть решены вопросы, связанные как с синхронным, так и с диахронным представлением диалектных микросистем и региолекта области, поскольку здесь «языковые явления – разновременные – сплетаются в едином синхронном пространстве <...> Диахрония в той или иной мере проникает в синхронию, свидетельствуя развитие языка, языковую память и забывчивость» [11, с. 9], а также репрезентируя неразрывную связь языка и культуры народа, исходя из чего дальнейшее рассмотрение региональных и диалектных фактов (в частности – фитонимов) в качестве лингвокультурем, учитывая историю заселения края и территориально-географические условия формирования диалектов и региолекта Белогорья, представляется весьма перспективным.

Список литературы

1. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
2. Федорова, М.В. Контактные и констратные ойконимы Белгородской области / М.В. Федорова // Очерки по исторической лексикологии. – Белгород, 1996. – С.62-69.
3. Кошарная, С.А. Белгородские фитонимы в контексте этнокультуры / С.А. Кошарная // Лексический атлас народных говоров (Материалы и исследования) 2005 / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб: Наука, 2005. – С. 172-177.
4. Коготкова, Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы) / Т.С. Коготкова – М.: Наука, 1979. – 334.
5. Жиленкова, И.И. Исследование названий населенных пунктов Белгородской области / И.И. Жиленкова // Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области). Коллективная монография. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С.98-115.
6. Головина, Э.Д. Параметры окказионального в речи диалектного типа / Э.Д. Головина // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. – Вологда, 1987. – С.103-109.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. / В.И. Даль – Т.III. – М.: «Русский язык», 1981. – 555 с.
8. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. / В.И. Даль – Т.IV. – М.: «Русский язык», 1981. – 683 с.
9. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 тт. / П.Я. Черных – Т.I. – М.: «Русский язык», 1994. – 623 с.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. / В.И. Даль – Т.I. – М.: «Русский язык», 1981. – 699 с.
11. Брагина, А.А. Диахрония в синхронии как процесс развития языка / А.А. Брагина // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы I Междунар. конгресса. – М., 2001. – С. 8-9.

Список сокращений:

Алексеев. – Алексеевский район, *Белгор.* – Белгородский район, *Борисов.* – Борисовский район, *Валуйск.* – Валуйский район, *Вейдел.* – Вейделевский район, *Волокон.* – Волоконовский район, *Грайворон.* – Грайворонский район, *Губкин.* – Губкинский округ, *Ивнян.* – Ивнянский район, *Краснен.* – Красненский район, *Красногвард.* – Красногвардейский район, *Краснояруж.* – Краснояружский район, *Новооск.* – Новооскольский район, *Прохоров.* – Прохоровский район, *Ракитян.* – Ракитянский район, *Ровеньск.* – Ровеньской район, *Старооск.* – Старооскольский округ, *Чернян.* – Чернянский район, *Шебекин.* – Шебекинский район, *Яковлев.* – Яковлевский район.